

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Аркадий Гайдар
**СУДЬБА
БАРАБАНЩИКА**

Аркадий Гайдар
Судьба барабанщика
Серия «Школьная библиотека (Детская литература)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7635556
Судьба барабанщика [вступ. ст. С. Сивоконя]: Дет. лит.; Москва; 2014
ISBN 978-5-08-005228-6*

Аннотация

О своей повести «Судьба барабанщика» А. П. Гайдар писал так: «Эта книга не о войне, но о делах суровых и опасных – не меньше, чем сама война».
Для среднего школьного возраста.

Содержание

Аркадий Петрович Гайдар	5
И все-таки – впереди!	7
Автобиография	14
Судьба барабанщика	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Аркадий Петрович Гайдар
Судьба барабанщика
Повесть

Арк. Захар

1904 – 1941

И все-таки – впереди!

О Гайдаре писать нынче трудно. Резко изменилось время, изменились и взгляды людей. Один из роковых вопросов советских анкет: «Что вы делали *до* 1917 года?» – позже сменился противоположным: «Что вы делали *после* 1917 года?»

Гайдари уже бросали ряд неприятных упреков в таком духе: зачем он в 1918 году ушел воевать «за светлое царство социализма»¹ зачем в 1921-м участвовал в подавлении Антоновского мятежа на Тамбовщине, где власти воевали с собственным народом по-бандитски – без всяких правил; зачем, наконец, в 1922 году, воюя в Хакасии против «императора тайги» атамана Соловьева, он был жесток – на допросах применял пытки, избиения пленных и т. п. (Правда, насчет последнего обвинения – дело темное: документов никто из обвиняющих не представил, а воспоминания типа «одна бабка сказала...» – это не документ и не аргумент.)

Думается, однако, что Гайдар не растерялся бы от таких вопросов, не стал отрекаться от своего прошлого и ответил бы на все вопросы «прямо, честно и открыто», как и во всех других случаях. Он сказал бы, наверно, что смешно спустя столько лет обвинять четырнадцатилетнего подростка² в том, что он делал в году 1918-м... А делал он тогда то же, что и другие, – участвовал в Гражданской войне... А Гражданская война – что во Франции, что в США, что в России – нечто кровавое, тяжкое и далеко не всегда справедливое. И лучше бы в ней вообще не участвовать, да вот не получилось...

Насчет подавления тамбовского мятежа Гайдар, наверно, ответил бы так: «Не я затеял эту войну, не из-за меня она началась; а я был военный, командир полка, мне дали приказ – ну как же я мог отказаться? Не дезертиром же мне было становиться – я всегда презирал дезертиров; загляните хотя бы в мою повесть „Р. В. С.“...»

Наконец, о войне в Хакасии Гайдар, скорее всего, отозвался бы так: «Я и сюда прибыл по приказу – отказаться не мог... Что же до соловьевцев, то это были бандиты... Не знаю, что сделало их бандитами: может, революция, может, неудачные декреты советской власти, а может, бездарное их применение, – но в этом не я виноват. Факт тот, что я застал их бандитами, – а с бандитами не воюют в белых перчатках, с применением дуэльного кодекса... Возможно, я где-то и переступил „пределы допустимой обороны“ или „допустимого нападения“, но нарочно жестоким я не был – вы это знаете по моим книгам».

Хотя Гайдари эти слова только приписаны, по сути, они вполне правдивы. Давно известно: «Истинная жизнь писателя – в его книгах».

Да и «социализм» Гайдара был вовсе не тот, что строился в СССР под руководством Ленина и Сталина. Это видно уже из того, что Ленин во всех книгах Гайдара появляется всего трижды: в повестях «Школа» и «На графских развалинах» – только упоминается, а в крохотном рассказике «Советская площадь» (1940) изображен весьма странно: рассказчик (скорее всего, сам Гайдар, ибо рассказ автобиографичен) слушает (вернее, пытается слушать) Ильича, выступающего с балкона Моссовета, а его собственный конь мешает ему слушать: то храпит, то фыркает, то на дыбы встает... Так и не услышал Гайдар ни словечка из ленинской речи, да и мы ничего о ней не узнали, хотя сам же Гайдар говорит, что люди ему потом эту речь пересказали... Видимо, не очень-то она его заинтересовала.

¹ Строго говоря, это выражение не гайдаровское. В повести «Школа» (1930) оно встречается на рабочем плакате: «Только с оружием в руках пролетариат завоюет светлое царство социализма».

² Наверное, не случайно герою повести «Школа», Борису Горикову, когда он бежит на фронт, уже пятнадцать лет, а не четырнадцать, как было в аналогичном случае Аркадию Голикову. Видимо, Гайдар понимал, что даже для того времени четырнадцать лет – мало подходящий возраст для участия в Гражданской войне.

Ну а Сталина вообще не найти ни в одном из гайдаровских произведений³. И это в 1930-е годы, когда без имени Сталина не обходилось ни одно собрание, не произносилась ни одна речь, не говоря уже о докладах, – да вообще не делалось ни одно сколько-нибудь серьезное дело...

... А где хватит на двух разговорца,
Там помянут кремлевского горца, —

говорится в знаменитом – поистине роковом для поэта! – стихотворении О. Мандельштама.

А Гайдар прекрасно обходился без этого имени. Даже в отклике на получение «высокой» награды (для Гайдара, впрочем, не слишком высокой) – ордена «Знак Почета», полученного в 1939 году – юбилейном для Сталина (к тому же в тридцать девятом году проходил XVIII съезд партии!), Гайдар ухитрился обойтись без упоминания вождя...

Вот он отвечает на вопрос «Литературной газеты», над чем он сейчас работает (на дворе – февраль 1939 года).

«Работаю над повестью „Талисман“ – рассказываю о том, как солдат искал счастье. (Неоконченную повесть эту мы знаем под условным названием „Бумбараш“. – С. С.)

И как раз в часы этой моей работы пришло большое счастье ко мне, и, как замечательный талисман, удесятеривший мои творческие силы, я принял великое внимание правительства и партии.

У моего талисмана чудесные свойства. Это подарок страны... И волшебная творческая сила моего талисмана прекращается там, где кончается труд».

Где тут Сталин? Его нет и в помине. Партия отодвинута на второй план (тоже случай невиданный!). И наконец, награду свою Гайдар принимает как «подарок страны», хотя он прекрасно понимал, что Сталин если и не подписывал, то наверняка утверждал список награжденных...

Не менее прохладно относился Гайдар к официальному символу тогдашней партийной идеологии – коммунизму.

В киноповести Гайдара «Комендант снежной крепости» (1940) капитан Максимов рассуждает о картине под названием «Путь к коммунизму», созданной студенткой Ниной, которая капитану нравилась, а потом стала его женой. На картине этой были изображены «люди разных возрастов и национальностей. С плодами и цветами в руках они выходят по тропкам на широкую дорогу, которая ведет к освещенным солнцем горным вершинам».

Устами своего героя (а по сути – своими собственными, ибо капитан Максимов – один из «дублеров» писателя) Гайдар произносит над этой картиной убийственно ироничные слова: «Это беспечные люди возвращаются с пикника домой... Девочка, не сердись, но таких дорог к коммунизму не бывает».

В целом же свою жизненно-политическую программу Гайдар наиболее полно представил в одной из записей дневника, когда заканчивал «Военную тайну» (1934).

«Эта повесть моя будет за Гордую Советскую страну.
За славных товарищей, которые в тюрьмах.

³ Впрочем, в одном из гайдаровских сочинений («Встречи в бурю», 1926), основанном на воспоминаниях бывшего военного коменданта Перми, Сталин все же присутствует. Но именно только *присутствует*: на протяжении всего мемуарного рассказа не говорит ни слова... Редчайший случай в тогдашней литературе!

За крепкую дружбу.
За любовь к нашим детям.
И просто за любовь».

Последние три пункта понятны, а вот первые два трудно оставить без пояснений. Слова о «Гордой Советской стране» – самые важные для Гайдара. Помните, кого он благодарил за награду? Прежде всего – свою страну. А в словах о стране главное слово – «Гордая» (недаром с большой буквы!). И второй пункт тоже важен – о товарищах, «которые в тюрьмах». Своих или зарубежных товарищей имеет он в виду? Или тех и других сразу? Судя по «Военной тайне», казалось бы, зарубежных: ту же Марицу Маргулис, сестру Владика Дашевского и других.

Но в дневнике не сказано «зарубежных»! А советские тюрьмы в августе 1934 года, когда сделана запись, тоже не пустовали. И сидели в них не только враги СССР и не только враги Гайдара.

Скажем, умнейший советский коммунист Мартемьян Рютин, еще в 1930 году дерзнувший выпустить листовку с призывом отстранить Сталина от власти в партии и в стране, тогда же и был арестован. А поскольку перед этим Рютин два года возглавлял главную военную газету страны «Красная звезда», он мог быть даже знаком с Гайдаром – прямо или через общих знакомых, коих в военной среде у них нашлось бы немало. А уж слышать о нем Гайдар наверняка слышал!

И тем более мог быть знаком Гайдар с ленинградскими поэтами Даниилом Хармсом и Александром Введенским – своими коллегами по детской литературе. А оба они были впервые арестованы в 1931 году.

И когда Сергей Ганин пел сыну Альке свою любимую песню про «товарищей в тюрьмах, застенках холодных» и при этом «невольно зажмурился», только ли о Марице Маргулис вспоминал он, как полагал чуткий шестилетний Алька, – может, и о ком-то другом, необязательно зарубежном?...

Скажу больше: а не нарочно ли Алькину «мамку» Гайдар сделал *зарубежной* комсомолкой, погибшей в застенке? Нет ли и здесь хитрости против строгой советской цензуры, чтобы, пробившись через нее, сказать и о наших, советских, невинных жертвах? Ведь сумел же Гайдар «внедрить» шестилетнего Альку в пионерский лагерь, хотя до пионеров тому было еще расти и расти... Алька же ему был нужен – и, как это ни жутко, нужна была *гибель* Альки, что видно опять же из записи в дневнике, когда книга еще писалась: «... Никто не знает, как мне жаль Альку. Как мне до боли жаль, что он в конце книги погибнет. И я ничего не могу изменить. Я могу только сделать все, что в моих силах, чтобы оставить крепкую память, горячую любовь к этому маленькому и верному человеку».

Для чего же ему понадобилось губить своего любимого героя – тем более любимого, что прототипом Альки был его собственный сын? (В дневнике Гайдара есть об этом прямая запись: «Интересно, как будет читать и понимать он мою „Военную тайну“? Ведь Алька – это он сам».) Гайдар понимал, что гибель маленького обаятельного мальчишки, с добром и любовью относящегося ко всем хорошим людям, потрясет юных читателей и те запомнят каждую Алькину фразу, каждое, даже мимолетно брошенное, слово. А через них войдут в души читателей и его собственные, гайдаровские, мысли. Вот почему, вопреки собственным чувствам, вопреки просьбам ребят (иные прямо *требовали*, чтобы он пощадил Альку), писатель наотрез отказался спасти своего героя...

Кончая разговор о «потаенном», по сути еще не прочитанном Гайдаре, скажем еще о повести «Судьба барабанщика», о которой такие речи в печати уже велись. По свидетельству близких друзей Гайдара, в первом варианте повести отца Сережи арестовывали как «врага народа». И лишь полная невозможность напечатать повесть в таком виде заставила Гайдара

заменить несправедливое политическое обвинение героя заурядной растратой. Но Гайдар и при этом схитрил, и не раз, обманув все же бдительность цензоров: сперва он направил «растратчика» на Беломорско-Балтийский канал (судя по описанию того, что Сережин папа там делал), где трудились в ту пору не уголовники, а в основном «политические»; а потом, организовав его досрочное освобождение за ударную работу, так подал его встречу в Москве, что умный читатель сразу смекнул: нет, растратчиков так не встречают!

«И конечно, если бы не яркий свет прожектора, то всем в глаза глядели бы теперь они (отец с сыном. – С. С.) прямо, честно и открыто.

И тогда те люди, что их встречали, дружески улыбнулись им и тепло сказали:

– Здравствуйте!»

Знаменитый псевдоним писателя долгое время расшифровывали как «всадник, скачущий впереди», пока сын писателя, ссылаясь на А. М. Гольдина, сотоварища Аркадия Голикова по Арзамасской гимназии, не расшифровал его совсем неожиданно: «Голиков Аркадий из Арзамаса». Принцип этой расшифровки станет ясен, если псевдоним писателя записать так: «Г-ай-д'Ар», где «Г» – первая буква фамилии, «ай» – первая и последняя буква имени, а «д'Ар» – французское обозначение происхождения человека из какой-либо местности. Здесь указаны первые две буквы географического названия. Так, д'Артаньян – человек из Артаньяна. Или, скажем, владетель Артаньяна (по сему принципу сложен длинный, но неубедительный титул небезызвестного Портоса: барон дю Валлон де Брасье де Пьерфон).

Если учесть, что гимназист Аркадий Голиков подобным же образом зашифровывал свои записи в дневнике, эта новейшая версия имеет большие шансы стать окончательной. Жаль?! Но даже если и так, то наши лучшие представления о Гайдаре вовсе не пошатнутся. Ведь отчего возникла красивая легенда о «всаднике, скачущем впереди»? Да оттого, что своими книгами и жизнью Гайдар *заслужил* такой «титул». Псевдоним можно придумать самый звонкий, но если он будет резко расходиться с жизнью своего владельца, то может вместо гордого имени превратиться в пародийное прозвище...

Для своей короткой жизни поразительно много пережил, узнал и понял Гайдар. Прежде чем писать о родной земле, Аркадий Голиков ее *защитил*⁴ ценой собственной крови. А потом исходил и изъездил ее вдоль и поперек и хорошо узнал. Он ее полюбил как нечто очень родное и близкое.

Жаль, что никто не вычертил карту странствий Гайдара по родной земле – выразительная это была бы карта!

Украина, Алтай, Крайний Север, Урал, Дальний Восток, Крым, Кавказ, Средняя Азия, Поволжье были для него не просто географические понятия, а родные места. Он мог подробно рассказать о них не потому лишь, что там побывал, но и потому, что органично вписался в тамошнюю жизнь, стал своим человеком, почти жителем тех мест.

Москва, Ленинград (ныне Санкт-Петербург), Подмосковье в счет не идут: они как бы подразумеваются в жизни любого российского писателя. Но для Гайдара эти места были только одними из многих в жизни. Я не думаю, что в его сердце они имели перевес надо Львовом, где он родился, над Арзамасом и Сормовом, где прошли его детство и юность; над Пермью, Свердловском (ныне Екатеринбург), Архангельском и Хабаровском, где пролегли его первые журналистские тропы (как большинство писателей, он начинал с журналистики); над курской Ивней или крымским Артеком, где главным другом и спутником был его сынишка Тимур; или над рязанской Солотчей, где в кругу своих литературных друзей он славно отдохнул и написал немало страниц веселой и поэтичной прозы.

⁴ Тут вы ехидно заметите: «А от кого он ее защитил?» От врагов. От тех, кого он в ту пору считал врагами своей «Гордой Советской страны». А кого посчитал бы сегодня – гадать не берусь.